НИКИФОРОВА Лариса Викторовна / Larisa NIKIFOROVA

Россия, Санкт-Петербург.
Российский Государственный Педагогический Университет им. А. И. Герцена.
Факультет философии человека. Кафедра теории и истории культуры.
Профессор, доктор культурологии.

Russia, St. Petersburg.
Herzen State Pedagogical University. Department of theory and history of culture.
PhD in Cultural Research, Professor.

nikiforova_lv@list.ru

«МЕТАФОРА УЛЬЯ» И ЯНТАРНАЯ КОМНАТА В ЕКАТЕРИНИНСКОМ ДВОРЦЕ ЦАРСКОГО СЕЛА

Под метафорой улья понимается устойчивый прием сопоставления пчелиной семьи и человеческого сообщества. Утопический потенциал этой метафоры значителен (хотя и потенциал дистопии немаловажен), а сам улей — и как предмет описания, и как образ или мотив в социально-философском или художественном тексте, обладает значительным сходством с традиционно известным утопическим локусом острова. Метафора улья служит точкой, к которой сходятся (или от которой, напротив, расходятся два типа утопии — обращенной в прошлое, в «золотой век», и обращенной в будущее; два типа сознания — утопическое и идеологическое. В статье предпринята попытка показать Янтарную комнату как уникальный и исключительный пример воплощения «пчелиной метафоры».

Ключевые слова: *идеология, метафора, панегирик, улей, утопия, эмблематика, Янтарная комната*

The Beehive Metaphor and the Amber Room in Catherine's Palace of Tsarskoye Selo

The ”Beehive metaphor” is not the term in the strict sense of the word. The scholars who study the poetics of fiction, the social imagination, iconography and visual culture mostly in interdisciplinary vein created it inadvertently. This concept refers to the various forms of comparison of bee society and human society in positive meaning or in negative one. The Beehive metaphor is the connecting link between the two kinds of Utopia — Utopia addressed to the past (lost golden age) and addressed to the future. The Beehive metaphor is the connecting link between the Utopia and Eutopia: Utopia as the critical reflection of contemporary society and image of changes; Eutopia as a kind of political representation of wisdom and the state cares of real government. In this article I have tried to inscribe the Amber room in the context of Beehive metaphor.

Key worlds: *ideology, metaphor, panegyrics, beehive, utopia, emblematics, Amber room*

Мой исследовательский интерес сосредоточен в области культурной истории дворцовых резиденций. Среди других сюжетов, я обращалась к содержательным программам дворцовых интерьеров и попыталась однажды проанализировать с этой точки зрения Янтарный кабинет Екатерининского дворца в Царском селе — один из самых знаменитых дворцовых интерьеров XVIII века, на первый взгляд, лишенный какой-то определенной сюжетной программы. Этот материал был опубликован в статьях, а затем вошел в монографию[1]. Настоящая статья отталкивается от предшествующих выводов и продолжает тему, точнее является попыткой «вписать» курьезную барочную инвенцию в более широкий культурный контекст. Но прежде хотелось бы кратко обозначить основные моменты прежде опубликованных исследований.

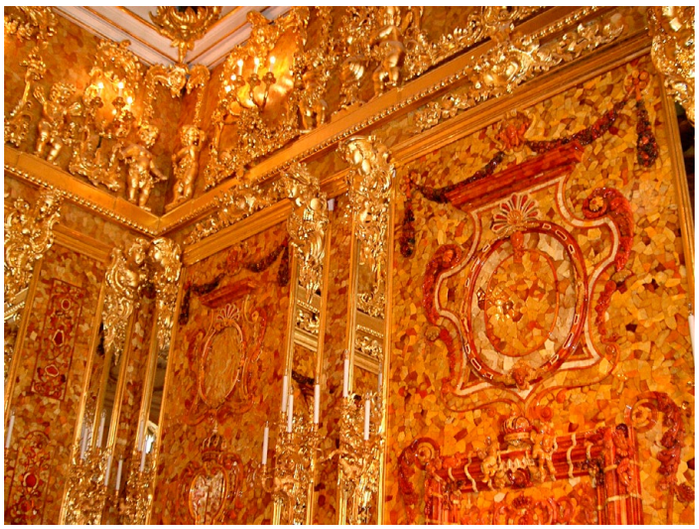
Слава Янтарного кабинета настолько велика, а его создатели настолько знамениты, что вопрос о сюжетной, содержательной программе этого интерьера казался избыточным. Однако в XVIII столетии произведение (любое произведение) создавалось как рассуждение на определенную тему, а дворцовые интерьеры представляли собой чрезвычайно насыщенные содержанием тексты. Своим создателям, заказчикам и владельцам интерьер говорил… Но что? Предположив, что Янтарная комната была обращена не только глазу, но и разуму, я попыталась проанализировать семантику янтаря в поэтическом, политическом, научном языках XVIII века и обнаружила. несколько основных значений, хорошо понятных читающей публике XVIII века.

[1] Никифорова Л. В. Стены, «текущи млеком и медом». Янтарный кабинет Екатериниского дворца в Царском селе // Никифорова Л. В. Чертоги власти. Дворец в пространстве культуры. СПб: Искусство-СПб., 346–356.

© Издательство «Эйдос», 2012. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2012. For Private Use Only.

НИКИФОРОВА Лариса Викторовна / Larisa NIKIFOROVA

| «Метафора улья» и Янтарная комната в Екатерининском дворце Царского села|



Илл. 1. Янтарная комната. Современное фото. Источник: Официальный сайт ГМЗ «Царское село».

Илл. 2. Янтарная комнат. Фрагмент. Современное фото. Источник: Официальный сайт ГМЗ «Царское село».

Во-первых, янтарь был камнем, способным «услаждать чувства» и аллегорически представлять их — зрение, вкус, обоняние, осязание — четыре из пяти человеческих чувств. То, что Ф. Бэкон называл «добродетелями тела», а философы века Просвещения относили к естественной природе человека. Янтарь и янтарные эпитеты отсылали к полноте чувственного опыта.

Во-вторых, янтарь был хорошо известной эмблемой времени, нерукотворной эмблемой, парадоксально соединяющей величие и ничтожество, бессмертие и бренность, вечность и мгновенье. Более всего эти значения открывались в случае «мухи в янтаре» или «муравья в янтаре».

И, наконец, янтарь, камень цвета меда, пива, фалернского вина, как писал о нем Плиний, буквально, т.е. визуально воплощал хорошо известный по литургическим текстам, одам и панегирикам образ рая и «золотого века». И я назвала Янтарную комнату — стенами, текущими млеком и медом.

Когда я впервые обратилась к семантике янтаря, Янтарная комната еще не была воссоздана. Мои предположения основывались, главным образом, на вербальных текстах. Когда же появилась возможность увидеть это собственными глазами, я убедилась в правильности своих догадок. Янтарные стены действительно выглядят сладкими, мягкими, липкими, они «текут млеком и медом».

Янтарный кабинет создавался и существовал как часть дворцового интерьера, а дворцы, особенно дворцы XVII–XVIII вв. были не просто памятниками искусства, а особой формой политической репрезентации, даже манифестации идеологических программ (речь идет о буквальном тождестве утверждения и действия, которые заключены в значении слова манифестация, от лат. *manus* — рука, делать руками). Дворцы, как и разворачивавшиеся в них церемониалы, праздники, да и повседневная жизнь двора, в каком-то смысле заменяли собой то, что позже станет выражаться в текстах законов, манифестов, Конституций. В эпоху, когда идеология проговаривалась не в форме прямых политических деклараций, а в форме символических практик, памятники, вовлеченные в придворное пространство, не были чистыми эстетическими объектами, в них ценились их символические качества, от эстетических свойств неотделимые.

Надо сказать, что использование янтаря в политической репрезентации не было общепринято. Не янтарь, а алмазы украшали короны правителей. Янтарь же называли камнем кухарок и кормилиц — так говорили в XIX веке, но и в XVIII янтарные эпитеты были уместны преимущественно в т.н. «низких» стилях литературного языка, в лирической поэзии, что напрямую связано со способностью янтаря «услаждать чувства». Янтарные стены в королевском, а затем в императорском дворце — это был барочный курьез, остроумная инвенция, благодаря которой единственный раз была визуализирована в монументальной памятнике главная метафора райского блаженства.

Примерно здесь заканчивались мои прежние размышления, никак не касавшиеся темы утопии. Мне казалось, что я выполнила задачу и указала на актуальные для XVIII века контексты, которые заставляли «говорить» язык декоративной отделки. Я предположила также, что именно содержательное богатство Янтарных стен, а не их только красота и необычность, заставляло нескольких могущественных монархов беречь эту абсолютно непригодную для монументального оформления отделку, хрупкую, капризную, постоянно осыпавшуюся и нуждавшуюся в неусыпном надзоре. Напомню, что в создании Янтарного кабинета приняли участие несколько поколений коронованных заказчиков[2], а процесс создания затянулся почти на 70 лет[3]. Дворцы и даже города тогда строили гораздо быстрее.

При чем же здесь утопия?

Если иметь в виду различие между утопическим и идеологическим сознанием, которое проводил К. Манхейм и считал

[2] Об истории создания Янтарной комнаты см.: Воронов М. Г., Кучумов А. М. Янтарная комната. Л.1989. Обновленные и уточненные сведения см.: Янтарная комната // ГМЗ «Царское село». Официальный сайт. URL:http://www.tzar.ru/museums/palaces/c_atherine/amber_room (дата обращения: 23.09.2012).

[3] Начало работ датируется 1701 г. — годом коронации Фридриха I, короля Пруссии. Окончание — 1770, когда закончилась реконструкция Янтарной комнаты, предпринятая после вступления на трон Екатерины II.

© Издательство «Эйдос», 2012. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2012. For Private Use Only.

его главным, то перед нами скорее артефакт идеологии, чем утопии. Обе эти формы сознания ориентированы на трансцендентное, но имеют разные задачи. Идеологическое сознание «стремится к сохранению или постоянному репродуцированию существующего образа жизни», обещание райского блаженства в некоей потусторонней сфере органически включено в картину мира соответствующей эпохи и лишено своего преобразующего потенциала, «вытеснено за пределы общества и истории»[4]. «Утопичной подобная не соответствующая действительности ориентация становилась лишь тогда, когда она действовала в том направлении, которое должно было привести к уничтожению существующей "структуры бытия"»[5].

С. Баер, изучавший поэтику райского мифа в русской литературе XVIII века, отмечал очевидную близость текстов идеологического и утопического содержания, близость жанровых моделей, функционирование одних и тех же образов и мотивов «золотого века». «Топика рая постоянно использовалась для панегирических и пропагандистских задач, для восхваления какого-то человека, места, времени, плодов правления или идей через пространственный коррелят — райское место, соотносимое с добродетелями и достоинствами восхваляемого»[6]. Продолжая же проведенное Манхеймом различение утопии и идеологии, С. Баер разделяет собственно утопию (U-topos, описание места, которого нет) и EU-topos, описание благого места, благословенного места[7]. Панегирическая литература, согласно С. Баеру, может рассматриваться как eu-топия. «"Панегирическая утопия" была возможна благодаря риторической структуре традиционной утопии, которая тоже есть панегирик — похвала некоему "благому месту", хорошему правлению, использованию фигуры рассказчика, который своим воодушевлением напоминает лирического героя панегирической оды»[8].

С. Баер, как и другие исследователи утопии, анализировал, прежде всего, литературные тексты, но также и некоторые праздничные сценарии и ритуалы, в том числе масонские. Вероятно, литературой бытование утопии и eu-топии не ограничивается — можно говорить и о перформативных текстах, и о монументальных, среди них — Янтарная комната, застывший, отвердевший панегирик.

Способность янтаря представлять застывший мед позволяет нам соотнести Янтарный кабинет с «метафорой улья». Это может показаться натяжкой, поскольку в топике «золотого века» мед не обязательно произведен пчелами. В райских землях медом текут реки и земли, медом сочатся дубы. Но Янтарный кабинет — это не ландшафтный объект. Мед внутри замкнутого объема — это все же улей, а не райский сад. К тому же пчелы представлялись благословенным народом: считалось, что они чудесным образом рождаются, род их бессмертен, они целомудренны («плотский чужд им союз») и не рождают детей в муках, они сообща живут, работают, растят детей и питаются божьей росой[9]. Мед (мудрость) служил пчелам достойной наградой за добродетель. Пчелиная семья была как бы напоминанием семье человеческой об утраченном золотом веке.

«Метафора улья» это не термин в строгом смысле слова, скорее многообещающий образ, сорвавшийся с пера исследователей, изучающих поэтику литературы, иконографию, визуальную культуру, социальную историю искусства. «Поэтикой улья» назвал свою книгу Кристофер Холигсворт, посвятивший ее функционированию образов улья и пчел от Гомера и Вергилия до Ф. Кафки, Сартра и Кобо Абэ[10]. «Метафорой улья» назвал свое исследование Хуан Антонио Рамирес, показавший, как архитекторы XX века вдохновлялись реальной «архитектурой пчел» или визуальным образами, знаками улья[11]. С оглядкой на эти работы я использовала такое именование — «метафора улья».

Под «метафорой улья» понимается устойчивый прием сравнения пчелиной семьи и человеческого сообщества. Пчелиная семья издавна служила моделью идеального социального организма, символом совместного производительного труда, вознагражденного медом — образом щедрой продуктивности и райского изобилия. К. Холигсворт назвал метафору улья «строительным материалом воображения», родом интеллектуальной привычки, проявляющейся едва ли не всякий раз, когда предметом размышления становится социальной порядок, проблемы взаимоотношения индивидуального и коллективного, свободы, долга, власти[12].

Улей как предмет описания, литературный образ, как фигура сравнения обнаруживает поразительное сходство с метафорой острова — традиционного утопического локуса. Улей, также как и остров, это изолированное место, на котором создан идеальный социальный порядок, контакты этого локуса с окружающим миром ограничены, а его обитатели стремятся к самозащите. Описание такого локуса включает непременно описание политической системы, семейных и гендерных отношений, особого языка и религии обитателей, что является еще одной формой закрытости локуса от внешнего мира[13].

Исследователи литературной утопии считают локус острова отражением эпохи Великих географических открытий, плаваний в открытом океане. При всей фантастичности описаний порядка жизни в утопических сочинениях, сама модель путешествия и случайного посещения некоего неведомого острова, путь к которому вновь уже не найти, рождена эпохой первых океанских плаваний. То же и с ульем. Его символические зна-

[4] Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 165.

[5] Там же.

[6] Lessing B. S. The Paradise Myth in Eighteen Century Russia. Utopian patterns in early secular Russian literature and culture. Stanford: Stanford University Press, 1991. P. 11.

[7] Ibid. P. 112–113. Напомним, что придуманное Томасом Мором слово подразумевает игру смыслов: оно восходит к сочетаниям греческих слов, означающих либо «место, которого нет» (u-topos), либо «благое место» (eu-topos).

[8] Ibid. P. 114.

[9] О «пчелиных» добродетелях см., например: О пчелах // Басни нравоучительные с изъяснением господина барона Голберга / Перевел Денис фон Визин. М., 1761. С. 54–57; Локцений И. Общество пчел, или Краткое сравнение правительства пчел с правлением гражданским. СПб.: Типогр Академии наук, 1772. 80 с.

[10] Hollingsworth C. Poetics of the Hive. The Insect Metaphor in Literature. Iowa City: University of Iowa Press, 2001. 298 p.

[11] Ramíres J. A. Beehive Metaphor. From Antonio Gaudi to Le Corbusier. London: Reaction books Ltd, 2000. 184 p.

[12] Hollingsworth C. Ibid. P. IX.

[13] Шадурский М. Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 27–28.

© Издательство «Эйдос», 2012. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2012. For Private Use Only.

НИКИФОРОВА Лариса Викторовна / Larisa NIKIFOROVA

| «Метафора улья» и Янтарная комната в Екатерининском дворце Царского села|

Илл. 3. Брейгель. Сборщики меда. Около 1568 г.

чения в немалой степени питались реальными обстоятельствами. В течение долгого времени разведение пчел и сбор меда было деятельностью довольно опасной и рискованной.

Человек действительно не мог наблюдать жизнь внутри улья, это был труднодоступный объект, полный тайн и загадок. Пчеловоды и сборщики меда — в масках и защитных костюмах, окутанные клубами дыма, были персонажами словно из потустороннего мира. Неудивительно, что улей долгое время служил символом тайного знания, недоступного профанам, подобно тому, как жизнь пчелиной семьи невидима людям. В этом качестве улей был использован в символическом языке алхимиков и масонов.

Илл. 4. Гравюра XVII века, на которой сравниваются работы ученого и работа пчел, знание и мед, улей и библиотека. Ксилография из коллекции международной ассоциации по исследованию пчел. Источник: ON FOOD AND COOKING. The Science and Lore of the Kitchen. Harold McGee. N.Y.(1984, revised 2004).

Революция в пчеловодстве произошла в середине XIX века, когда был изобретен современный рамочный улей и началась эпоха т.н. рационального пчеловодства. Только тогда человек смог действительно проникнуть внутрь улья, и даже воплотить в жизнь давнюю мечту о стеклянном улье, сквозь стенки которого можно наблюдать жизнь пчел — стеклянные ульи стали обычным лабораторным оборудованием[14].

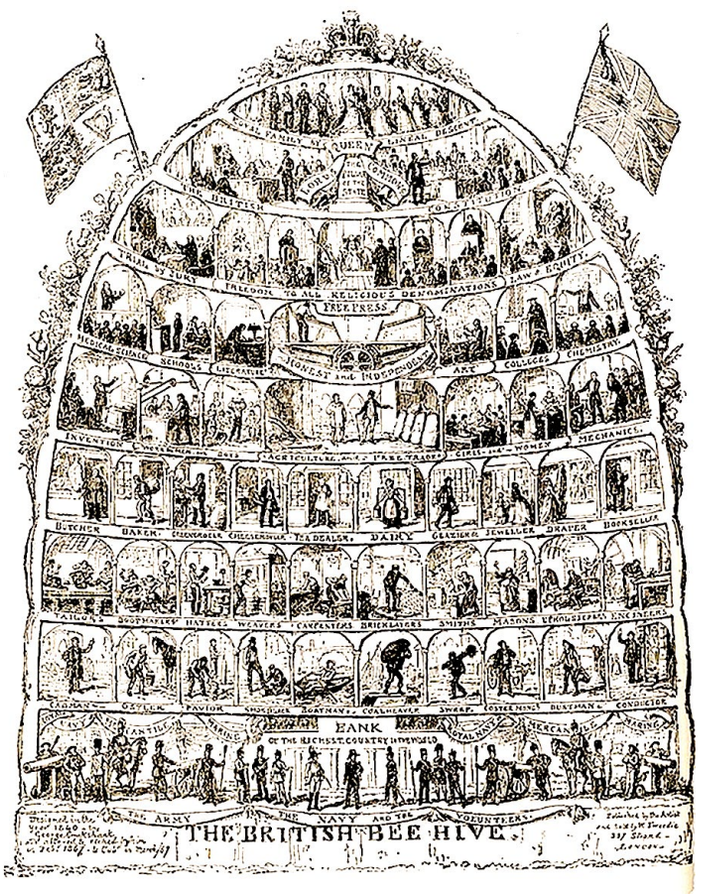
Описания улья и пчелиной жизни, также как описания островов утопии, включают сравнения с существующим социальным порядком — как критическую рефлексию относительно существующего порядка вещей, ироническое разоблачение или моральное назидание. И это касается не только литературных или социально-философских сочинений. И руководства по пчеловодству, практические или научно-исследовательские труды о пчелах непременно включают в себя компонент сравнения и назидания.

Метафора улья была источником различных политических моделей. «В мире пчел с их своеобразными законами жизни наблюдатели разных времен неизменно находили точное, до

[14] Халифман И. О., Васильева Е. Н. Пчелы. Повсть о биологии пчелиной семьи и победах науки о пчелах. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 33 и др.

© Издательство «Эйдос», 2012. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2012. For Private Use Only.

деталей, отражение породившего и окружающего их самих общественного устройства. Известно, например, что древние египтяне видели в пчелином гнезде государство во главе с пчелой-фараоном, который в окружении свиты слуг, обвевающих его опахалами усиков, наблюдает с высоты своего воскового трона, как караваны пчел-рабов складывают к его стопам сладкие дары. Вслед за египтянами Платон и после него Аристотель находили в пчелином гнезде рабовладельческое общество, управляемое аристократами-трутнями. <…> Если английские писатели XVI века рисовали пчелиную семью до смешного похожей на купеческую Англию елизаветинской эпохи, то в сочинениях французских авторов XVII века она изображается еще основанной на классически феодальных началах. Теперь трудно без улыбки читать сочинение французского писателя Симона, который, описывая “государство пчел”, рассказывал, как пчелы-привратники встречают у входа в город-гнездо усталых пчел-путников, издалека прибывших с товарами, как перед роением пчелиный король сигналом серебряной трубы оповещает подданных о предстоящем походе»[15].



Илл. 5. Британский улей. Гравюра по рисунку George Cruikshank, изображающая британское общество «как оно есть»: от королевы до кондуктора омнибуса. 1840.

Современная исследовательница Беатрис Уисон подвела такой итог политическому порядку улья: «улей мог быть адаптирован к любым политическим системам, улей мог быть монархическим, олигархическим, аристократическим, мог представлять конституционный порядок, имперское правление, республику, абсолютизм, коммунизм, анархию и даже фашизм, но никогда демократию»[16]. Люди изобретали политическую систему улья, пишет она, в одних случаях, чтобы оправдать существующий порядок вещей, в других, чтобы исправить и изменить его.

Богатая мифологическая традиция, сформированная вокруг улья и пчел, проанализирована многократно. И в Новое время улей был востребован в качестве модели и образца — образа жизни и пространственной оболочки, эту жизнь организующей. Важно также, что в Раннее Новое время, «метафора улья» меняет свой потенциал — с прославляющего и назидательного на трансформирующий, «взрывающий». В этом плане чрезвычайно интересно исследование Хуана Антонио Рамиреса, посвященное тому, как вдохновлялись метафорой улья архитекторы XX века, тому, как поиск эстетических и конструктивных решений был неразрывно связан с определенной социальной задачей, ради которой то или иное здание создавалось. В одних случаях это обращение было связано с попыткой организации средствами архитектуры правильно устроенной жизни, в других — с идеей бегства из плохо устроенного социума в закрытое от всех идеально устроенное пространство.

Илл. 6. Антонио Гауди. Декоративное навершие для знамени рабочего кооператива Матаро. Источник: Официальный сайт музея «Gaudí Experiència».

Оказывается, знаменитая катенарная (цепная) арка Антонио Гауди — отличительная черта его архитектурного стиля, вдохновлена формами т.н. «деревенского улья» — мягкими, коническими, словно стекающими. Впервые он применил ее в здании производственного цеха, построенного для текстильного кооператива в городке Матаро. Организатор кооператива Сальвадор Англада был близок взглядам социал-утопистов и создал кооператив по примеру фаланстера. Гауди работал тогда и над тем, что сегодня называют фирменным стилем — эмблема кооператива, атрибутика, реклама и т. д. Эмблема

[15] Халифман И. О., Васильева Е. Н. Пчелы. М., 1981. С. 33 и др. (Серия «Эврика»). С. 6–7 и далее.

[16] Wilson B. The Hive: The Story of the Honeybee and Us. N-Y: Thomas Dunne Books. St. Martin’s Griffin, 2006. P. 106.

© Издательство «Эйдос», 2012. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2012. For Private Use Only.

Илл. 7. Антонио Гауди. Проект церкви для колонии Гуэль. 1908–1915. Источник: Ramíres Juan Antonio. Beehive Metaphor. From Antonio Gaudi to Le Corbusier. London: Reaction books Ltd, 2000.

Илл. 8. Людвиг Мис ван дер Роэ. Стеклянный улей. Проект 1922. Источник: Сайт музея современного искусства. Нью-Йорк.

изображала рабочих пчел за ткацким станком, и на древке знамени кооператива красовалась пчела. Конструкция цепной арки арки легла в основу многих проектов и построек Гауди, в том числе знаменитого собора Саграда Фамилия — «улья братства»[17].

Первый небоскреб, спроектированный Людвигом Мисс ван дер Роэ, назывался «Стеклянный улей» (*Crystal honeycomb*), и был действительно вдохновлен моделью т. н. «рационального улья» — с выдвигающимися рамками-этажами и прозрачными стенами[18].

В целом ряде своих проектов Фрэнк Ллойд Райт использовал принцип сот и обыгрывал форму улья. Как «мистический улей» был задуман неосуществленный проект собора для миллиона человек. *Hana-Honeycomb House*, расположенный на территории Стэнфордского университета, спроектирован на основе шестиугольного модуля (сот), был построен для молодой супружеской пары университетских преподавателей, увлеченных идеями Джона Дьюи. Знаменитое здание музея Гугенхайм в Нью-Йорке, по мысли Райта, выполнялось как стилизованная форма «деревенского улья»[19].

Странные и вроде бы необъяснимые формы собственного дома архитектора К. К. Мельникова Х. А. Рамирес также сравнивает с ульем (типа сельского улья-колоды), а форма окон в виде шестигранных сот, полагает Рамирес, служит эмблемой вдохновившей архитектора идеи[20].

Рамирес заметил, что значение метафоры улья изменилось в период между двумя мировыми войнами — с позитивного по преимуществу к негативному. «Жизнь, которая может быть описана “как в улье” стала для обычного человека вершиной несчастья. Улей теперь стал ассоциироваться с теснотой, беспочвенностью, имперсональностью существования»[21].

Между тем, метафора улья выжила и приобрела новые качества. В течение долгого времени пчелы служили символом порядка, дисциплины, строгой иерархии. Современные исследователи видят порядок улья иначе. Сегодняшние авторы (в первую очередь, биологи), которые, как и их предшественники, описывая пчел, не могут удержаться от сравнения их с человеческим социумом, утверждаются во мнении, что улей — это модель не жесткой дисциплины, а самоорганизации социума.

Так, Томас Силли, профессор, биолог, в течение многих лет изучавший процессы роения пчел, полагает, что эти невероятные насекомые могут многому научить людей, в особенности тому, как устроен «коллективный разум» и как может быть

[17] Ramíres J. A. Ibid. P. 36–68.
[18] Ibid. P. 98–102.
[19] Ibid. P. 101–115.
[20] Ibid. P. 13.
[21] Ibid. P. 16.

© Издательство «Эйдос», 2012. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2012. For Private Use Only.

эффективным коллективное принятие решений. Каждый год, пишет Томас Силли, пчелы сталкиваются с решением жизненно важной проблемы — пчелиный рой переселяется в новый дом. Процесс выбора включает коллективный поиск, жестокие дебаты и, наконец, достижение консенсуса. Окончательное решение принимается коллективно, при минимальном влиянии лидера, происходит соревнование точек зрения и решение принимается на основании мнения большинства[22]. «Метафора улья» вдохновляет современных исследователей и разработчиков информационных технологий, в особенности, разработчиков поисковых систем — она активно используется ими при анализе процедур выбора в ситуации ограниченности информации, оценки качества источников информации, создания гипертекста[23].

Словом, как свидетельствуют современные исследования разной дисциплинарной принадлежности, «метафора улья» — очень устойчивый и сильный образ, источник вдохновения, питавший и утопические, и идеологические проекты. Метафора улья воплощена была долгое время исключительно в вербальных текстах и эмблематике, в Новое время к ним добавляются монументальные и даже социальные формы (прежде всего. исследователи приводят в этом качестве социальную организацию общества мормонов и коммуну художников в Парижском «Улье»). Раннее Новое время для метафоры улья — эпоха интенсивного переосмысления и перенастройки с «идеологического» качества на «утопическое». Идеологическое содержание «метафоры улья» связано, прежде всего, с образами золотого века и райского блаженства, где мед — чудесный дар. Утопические — с образами трудолюбия и самоотверженности пчел, где мед — справедливое вознаграждение. В это переломное время и создается Янтарный кабинет, возможно, первое монументальное воплощение «метафоры улья».

Напомню, что Янтарный кабинет можно считать монументальным панегириком. Литературные панегирики того же времени откликались на конкретные события, выражали на языке риторических клише вполне конкретные идеологические программы, имели отчетливое авторское начало[24]. Известная нам история Янтарного кабинета не дает возможности с такой же степенью подробности конкретизировать его идеологическое/утопическое послание. И все же некоторые соображения высказать можно.

Вероятно, панегирический смысл Янтарной комнаты был особенно важен в Елизаветинское время. Янтарный кабинет был смонтирован в Зимнем дворце в 1746 году и служил для официальных церемоний. Императрица представала здесь во всем блеске своего императорского величия. Затем, в 1755 г. Елизавета приказала установить Янтарную комнату в Екатерининском дворце царского села.

Царское село в эпоху Елизаветы, а особенно Екатерины II было своего рода частной, приватной резиденцией. Приватность не следует понимать в современном смысле слова. Сегодня тяжело представить себе приватное существование в окружении толпы придворных, которые жили в проходных комнатах дворцовых анфилад. Приватность тогда, в первую очередь, определялась особыми церемониальными и этикетными правилами или их нарушением. При Елизавете подчеркивалось, что Царское село — наследство матери, а Петергоф — отца. В екатерининскую эпоху образы пригородных дворцов также отчетливо различались. Екатерина не только унаследовала от Елизаветы деление дворцовых резиденций на мужскую и женскую, но и привнесла в это разделение свойственный ее времени мотив приватного и публичного поведения, где приватность, свобода от условностей, простота были ипостасями женского, а публичность, триумфальность, официальность — мужского. Пышные праздники, конечно, не были совершенно изгнаны из Царского села, а элементы приватности — из Петергофа. Но все же противопоставление Царского села Петергофу как уютного и приватного чопорному и публичному — постоянная тема переписки, мемуаров, травелогов екатерининской поры.

Царское село — «деревня», «поместье», где императрица пребывала «без церемоний» в немногочисленном кругу близких людей. «В сем ея отменным вкусом украшенном месте она как будто покоилась от тех своих трудов, и тут уже придворнаго этикета никакого не было. Мы придворные хаживали во фраках и вели жизнь самую покойную и приятную. Обращение наше, можно сказать, было смелее гораздо городскаго. Во время ея вечерних прогулок, мы иногда между собою разрезвимся, бегаем друг за другом, играем в разные игры, что Государыне всегда даже угодно было»[25]. Екатерина часто уезжала в Царское село «инкогнито» и так же «инкогнито»[26] из него возвращалась, а «шествие» в Петергоф было актом церемониальным с пушечной пальбой, остановками.

В начале своего царствования Екатерина предприняла большую реконструкцию Янтарного кабинета, что подтверждает его значимость в системе дворцовых пространств. Именно в екатерининское время Янтарная комната в Царском селе была украшена флорентийскими мозаиками — аллегориями пяти чувств. Следовательно, семантика янтаря как союза чувств, была не просто понятна, а особым образом подчеркнута. Позже в 1770, когда работы по реконструкции Янтарного кабинета подошли к завершению, комната была увенчана новым плафоном «Мудрость охраняет Юность от соблазнов любви».

Важно помнить, что пчела и улей занимали важное место в политической эмблематике Екатерининского времени — на эту эпоху «приходится расцвет пчелиной эмблематики в России. Центральной здесь была семантика пчелы как символа

[22] Seeley T. D. Honeybee Democracy Princeton: Princeton University Press, 2010. 274 p.

[23] Navrat P., Ezzeddine A. B., Jastrzembska L. and Jelinek T.. Exploring the bee hive metaphor as a model for problem solving: search, optimisation, and more. *Slovak University of Technology, Faculty of Informatics and Information Technologies //* Web Intelligence and Intelligent Agents / Ed. by Zeeshan-Ul-Hassan Usmani, ISBN 978-953-7619-85-5, Published: March 1, 2010. URL: http://www.intechopen.com/books/web-intelligence-and-intelligent-agents/exploring-the-bee-hive-metaphor-as-a-model-for-problem-solving-search-optimisation-and-more (дата обращения: 19.09.2012).

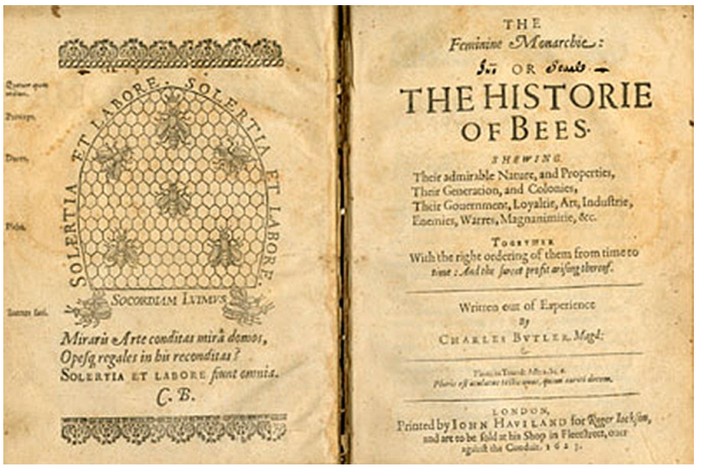
[24] Погосян Е. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997. URL: http://www.ruthenia.ru/document/534639.htmln (дата обращения: 10.10.2012).

[25] Голицын Ф. Н. Записки. [Предисл. П. И. Бартенева]. Русский архив. 1874, кн. 1, вып. 5. Стб. 1318.

[26] Грибовский А. М. Записки о императрице Екатерине Великой полковника, состоявшего при ея особе статс-секретарем, Адриана Моисеевича Грибовского. Изд. 2-е с доп. М., 1864. С. 24.

© Издательство «Эйдос», 2012. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2012. For Private Use Only.

Илл. 9. Эмблема Вольного экономического сообщества, дарованная обществу Екатериной II.



Илл. 10. Чарльз Батлер. Женская монархия или история пчел. Фронтиспис и первая страница издания 1643 г. Изображен порядок улья: королева, ниже три «герцогини», ниже – народ. Вверху дважды повторен девиз «Прозорливость и труд». Под ульем – трутни, которых рабочие пчелы удаляют прочь и девиз «Безделье искупаем».

пользы»[27]. Е. Н. Пчелов, один из крупнейших специалистов по геральдике, поставил в один ряд значимость медоносной пчелы в политической эмблематике Екатерины II, Наполеона, и итальянского рода Барберини.

В 1763 г. Екатерина распорядилась о работах по изготовлению новых янтарных панелей для Янтарной комнаты, 1765 годом датировано письмо Вольтеру, в котором она сообщает о своем девизе: «Пчела, в улей мед приносяща», в том же году собственная эмблема была дарована ею Вольному экономическому обществу как аллегория домостроительства.

Слово «домостроительство» имело тогда не только практический смысл рачительного, экономного, мудрого ведения хозяйства, теологическое значение домостроительства как распространения благодати был тогда вполне внятен.

И, наконец, есть большой соблазн связать значения Янтарной комнаты с идеей женской монархии. Шекспир, как известно, описывал главу улья как короля пчел. Открытие, что самая крупная пчела в улье — особа женского пола, пчела-королева было результатом изобретения микроскопа. Произошло это открытие в начале XVII века[28]. Одним из первых обстоятельных сочинений на эту тему стала книга Чарльза Батлера «Женская монархия. История пчел», вышедшая несколькими изданиями (1609).

В своей книге Батлер, в лучших традициях сочинений о пчелах, обращался и к научным, и к философским рассуждениям, сравнивал пчелиное и человеческое общество, описывал специфический язык пчел и даже опубликовал ноты пчелиных мадригалов — попытался записать в музыкальной нотации звуки, производимые пчелами[29].

Однако, с идеей о пчеле-королеве были в XVIII веке согласны далеко не все. Например, в книге профессора Иоганна Локцениуса, переведенной на русский язык и изданной в 1771, говорится, что точно не известно, кто находится во главе улья — король или королева. В то же время идея того, что во главе «государства» стоит женщина, окруженная толпами не просто кавалеров, а любовников, была сомнительной с моральной точки зрения и двусмысленной с точки зрения ассоциаций с реальными женщинами на троне и практикой фаворитизма. Батлер, кстати, считал, что пчела-королева — девственница.

Проблема утверждения женщины на троне была важна и для Англии конца XVI — начала XVII века, и для России XVIII столетия. В эпоху дворцовых переворотов отсутствие прямой легитимности требовало особых символических практик утверждения на престоле. Но символическое оправдание женского правления представляло особые трудности. В письмах Леди Рондо, относящихся ко времени Анны Иоанновны, есть такой выразительный эпизод. «Ее величество [Анна Иоанновна — *Л. Н.*] попросила китайца [посла во время аудиенции — *Л. Н.*] назвать все, что они видели отличного от обычаев их страны, что им показалось самым непривычным. Китаец ответил: “Женщина на троне”». (Письмо XVI)[30]. Заметим, что в уста «китайцев» корреспонденты XVIII века вкладывали, обычно, парадоксальные и проницательные суждения.

Нечто подобное спустя тридцать лет повторил Дж. Казанова, уже без ссылки на китайскую мудрость. Для него сама Россия была страной парадоксов, и этот — лишь один из многих. «Кажется, Россия есть страна, где отношения обоих полов поставлены совершенно навыворот: женщины тут стоят во главе правления, председательствуют в ученых учреждениях, заведывают государственной администрацией и высшею политикой. Здешней стране не достает только одной вещи — а этим татарским красоткам (à ces beautés tartares) — одного лишь

[27] Пчелов Е. В. Пчёлы в европейской и русской эмблематике и геральдике // Труды «Русской антропологической школы». Вып. 10. М.: РГГУ, 2012. С. 221.

[28] Wilson B. Ibid. P. 68–75.

[29] Beekeeping collection at the National Library of Scotland URL: http://digital.nls.uk/moir/piping.html (дата обращения: 15.10.2012)

[30] Письма Леди Рондо. письма дамы. прожившей несколько лет в России к ее приятельнице в Англию. Текст воспроизведен по изданию: Безвременье и временщики. Воспоминания об «Эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). Л. Художественная Литература. 1991. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Rondo2/Briefe/26.phtml?id=1267 (дата обращения: 16.11. 2012).

© Издательство «Эйдос», 2012. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2012. For Private Use Only.

преимущества, именно: чтобы оне командовали войсками»[31]. Заметим, кстати, войсками императрицы тоже командовали, особенно в дни государственных переворотов они возлагали на себя военные чины, участвовали в маневрах, по мужски верхом сидели в седле, страстно охотились. Все это было не просто личными особенностями характера, а символическими практиками демонстрации мужской ипостаси правителя. Или, по словам Р. Уортмана «отражением классической концепции тождества полов и сексуальной амбивалентности»[32].

Несмотря на предписанные символическим языком эпохи практики репрезентации мужских качеств, которые Екатерина творчески исполняла, она неоднократно подчеркивала свою женскую манеру управления и политики. Гордилась порядком в своем «маленькое хозяйстве», хлопотала о своем «улье». Но в качестве эмблемы избрала не королеву-пчелу, а рабочую пчелу, собирающую нектар.

Итак, Янтарная комната — одинокий памятник, на первый взгляд не имеющий отношения ни к какой традиции, никакую традицию не создавший. Если же мы попробуем связать его с «метафорой улья», воплощавшейся в различных языках культуры и различных формах активности, то мы обнаружим богатый контекст. Это произведение можно считать первым монументальным воплощением «метафоры улья», созданным тогда, когда различные значения улья — литургические и мистические, идеологические и утопические существовали одновременно, наслаиваясь друг на друга.

[31] Казанова де Сеингальт Дж. Записки венецианца Казанова. 1765–1766 [Отрывки] // Русская старина, 1874. Т. 9. № 3.С. 540.
[32] Уортман Р. Сценарии власти. Т. 1. М.: ОГИ, 2004. С. 124.

© Издательство «Эйдос», 2012. Только для личного использования.
© Publishing House EIDOS, 2012. For Private Use Only.